

АЛЁШКА

Рассказ

Светало. Будильник прозвенел ровно в отведённое время. На циферблате было пять часов утра. Отец Илия, слегка приоткрыв глаза, смотрел на белёный потолок и думал о несправедливости бытия. Свет ему был не мил, и грусть одолевала его сломленный дух. Чуть-чуть погодя он всё-таки заставил себя сесть на кровать и обречённо вздохнул. Батюшка долго смотрел на раскачивающиеся берёзки и плакучие ивы за окном и неустанно причитал: «Господи, зачем мне всё это? Сжался надо мною, Всеблагий! Ну, разве такой жизни я хотел?!» Не успев закончить свои печальные излияния, отец Илия начал нехотя, со свойственной ему медлительностью собираться на «очередную» воскресную Литургию. В соседней комнате раздался крик новорождённого. Батюшка вздрогнул от неожиданности и машинально наложил на себя крестное знамение. Затем священник поспешно надел подрясник, скуфейку и выбежал, словно ошпаренный, на открытое крыльцо. Матушка, едва заметив выбегающего батюшку, воскликнула:

– Дорогой мой, а как же я и детки?!

– Нечего вам там делать! Пока всю ораву соберёшь, так всюду непременно опоздаешь, прости Господи! – гаркнул отец Илия. – Без вас дел по горло! Лучше дома сиди и стряпнёй занимайся, проку больше будет!

Утирая слёзы обиды и негодования, матушка затворила дверь и, тихо постанывая, исчезла в глубине бревенчатого сруба.

Путь к храму был недолгий, но извилистый, и этого вполне хватало для каждодневных жалостливых раздумий. Раньше, когда батюшка был моложе, он то и дело молился и пребывал в блаженстве от единения с природой. Проходя этой дорогой до храма через мелкую речушку и луга, отец Илия останавливался в изумлении возле каждого деревца, каждого ручейка и камня и восхищался внутри себя: «Дивны дела Твои, Господи! Как же Ты всё славно устроил! Вот смотрю я на эти дары природы и не перестаю умиляться Твоему промыслу и Твоей поистине великой созидающей силе!»

Но сейчас батюшку волновали совсем другие заботы. Преисполненный гнева и злобы, он не переставал вопрошать: «Что ж за жизнь-то такая? Господи, помилуй! За что мне всё это?! Знаю, что ропщу на Тебя, о Всемогущий! Но нету сил моих больше влачить такое жалкое существование. Разве о такой жизни я мечтал, когда рукополагался в священники? Каждый день одно и то же, и ведь не продохнуть! Крики детей на причастии, причитания попрошаек на паперти возле храма, этот злонравный и неблагодарный сельский приходик! Дома вечно как на баррикадах: то ссоры с женой,

то нескончаемые дела по хозяйству! Господи, за что? За что мне всё это? Какие попы на мерседесах и BMW! Да только в сказке такое видали! Еле-еле свожу концы с концами! Денег едва на устройство домашних дел хватает! Господи, помилуй!»

Заканчивая свой ежедневный «ритуал» гневных обращений ко Всевышнему, отец Илия незаметно для себя самого всё ближе и ближе подходил к месту отнюдь не приятному, а точнее сказать, к месту своей «работы». На пороге церкви батюшка по обыкновению своему три раза крестился и, медленно озираясь по сторонам, подходил к праздничному аналою в центре храма. После недолгого лобзания иконы с образом чтимого сегодня святого отец Илия поспешно исчезал за дверью алтаря, дабы никто из назойливых прихожан ненароком не побеспокоил его. Надевая заранее подготовленное облачение, батюшка просматривал отрывки из Евангелия дня и уставшим, слегка раздражённым голосом проносил первый возглас.

Утром воскресного дня, как и следовало ожидать, наблюдался наплыв из страждущих и «неблагодарных» прихожан. «Нет чтобы как-то разделиться и прийти одной половине на всенощную, а другой – на Литургию, они все разом решили одолеть меня сегодня», – злобно пробубнил отец Илия. Казалось, что исповедь длится целую вечность, а поток прихожан не иссякает. Выглядевшие по-детски нелепыми и абсолютно бестолковыми во время таинства покаяния вопросы и жалобы то и дело приводили бедного батюшку в исступление. «Да как она, грешная, смеет жаловаться на своё несчастное чадо?! Не вычитал он, видите ли, вечернего правила! Да ты себя видела в зеркало, свиноматка? Сама страдает грехом чревоугодия, а ещё туда же! – возмущался про себя отец Илия. – Нет чтобы чрево своё обуздать! Оставь ты несчастного отрока в покое!»

«А этот говорит, что страдает грехом уныния и зависти! Вы посмотрите на него! Ишь ты, как мучается он, слёзы горькие льёт! – почти проклиная, продолжал диалог внутри себя отец Илия. – Тебе ли жаловаться, золотце? Не ты ли владеешь двумя фермами в соседних селениях? Не ты ли скупаешь кучами цацки да бриллиантовые побрякушки для своих домашних, имеешь личного водителя и едешь отдыхать по заграницам? Какое ещё уныние, какая зависть? Живи и радуйся. А то совсем зажрался, видать, негодяй. Денег ему не хватает, вот мне – не хватает! Пятеро детей да матушка, а ещё домашнее хозяйство. Пойди прокорми всю эту ватагу, да ещё на зарплату сельского священника!!!»

И повторялось всё это действие изо дня в день с удивительным постоянством. Одна и та же картина: внутренний трагический монолог, который медленно, как яд, убивал в батюшке Божественную искру, человеческое в человеке... Отец Илия жутко негодовал и злился, сетуя на незавидное положение вещей. Он старался побыстрее «отбыть» богослужение и без особых задержек и остановок убраться восвояси. Опечаленные прихожане давно стали замечать перемены в поведении батюшки, но никто даже не дерзал поинтересоваться о его самочувствии и делах. И никакие силы не могли изменить ход событий и повлиять на состояние удручённого церковным бытом священника. День за днём, месяц за месяцем отец Илия пребывал в унынии и духовной немощи, покуда не произошло нечто непредвиденное...

Утро начиналось как обычно: ранний подъём, занудливые причитания, слёзы матушки, крики детей. Долгий, как казалось батюшке, путь до сельского храма, колокольный звон, Литургия, исповедь, причастие и скучная, нудная до душевной боли проповедь, сравнимая с самобичеванием...

Заканчивая свою заунывную и малосодержательную речь пастыря, слова которой давались отнюдь не легко, так как шли не от сердца, отец Илия мысленно перенёс себя домой, где он, валяясь на спальной кушетке, жадно вдыхал бы запах домашней выпечки, доносящийся из маленькой продолговатой кухоньки... Калейдоскоп батюшкиных фантазий прервал внезапный грохот. Двери храма распахнулись настежь, и с паперти донёсся истошный крик местного юродивого, дурачка Алёшки:

– Вас ждёт знамение! Будьте бдительны и готовы! Грядут перемены, покайтесь!

Народ в ужасе заохал и стал жаться ближе к алтарю. Отец Илия, не медля ни секунды, прыгнул с амвона и быстрым шагом направился к выходу. «Сколько раз я себе говорил, что нужно избавиться от всех попрошаек и местной шпаны! – злобно буркнул себе под нос батюшка. – Пугают народ, не дают работать, служить! Ничего, сейчас разберёмся, допрыгался блаженный наш кузнечик!» Приблизившись к юродивому, он замахнулся кулаком и гневно прокричал:

– А ну-ка, пшёл отсюда, дуралей безмозглый! Что ты здесь расселся и побираешься, народ пугаешь? Или ты забыл всё то хорошее, что для тебя сделали? Вставай, тебе говорю! И проваливай подобру-поздорову!

– Отец Илия! – воскликнул дурачок Алёшка. – Ничего я не забыл и всё прекрасно помню, вы только пощадите, не гоните прочь!

– Я тебе что, шут гороховый, должен повторять по десять раз? А ну встал, быстро собрал манатки и катись отсюда, пока санитаров не вызвал!

После этих слов разъярённый батюшка что есть мочи пнул юродивого. Тот, хватаясь за края рясы священника со словами: «Господи, помилуй! Не ведают, что творят, а ведают, так не каются!» – кубарем покатился с лестницы. С того самого дня никто больше не видел блаженного дурачка Алёшку, чему отец Илия был несказанно рад, а благодаря этому случаю ещё и повысил собственную самооценку, напроочь избавившись от застарелой депрессии. Казалось, что жизнь налаживается и всё идёт своим чередом. Вскоре прихожане позабыли про случай с юродивым и не могли нарадоваться произошедшим изменениям в жизни батюшки Илии. Он снова стал весел, внимателен и ласков. Люди не переставали дивиться его дару прозорливости и любви к ближнему.

Одним погожим летним вечерком, когда на дворе стоял знойный август, отец Илия возвращался домой проторённой дорогой через луга и речушку. Он шёл, молился и пел наизусть заученные псалмы. Сердце и ум батюшки снова наполнились счастьем, как в былые годы. Зайдя в дом, священник крепко обнял супругу и детишек. Чуть погода семья прочитала молитву «Отче наш» и приступила к вечерней трапезе. После ужина по давно устоявшемуся обычаю домочадцы отца Илии внимательно, с умилением и небывалым интересом слушали рассказы священника о Боге и чудесах, творимых Всевышним. И вот, когда солнце село и все наконец разошлись по своим комнатам, предварительно прочитав всей семьёй вечернее правило, отец Илия лёг на кровать и закрыл глаза. Немного покрутившись на ложе, батюшка провалился в глубокий сон.

Во сне священнику явились святые угодники Киприан и Иустина и сказали ему: «Зло не дремлет, отец Илия, будь осторожен. Враг ополчился на тебя. Гордость – всему начало и всем порокам порок!» Батюшка от страха вскочил с кровати и, утерев со лба холодный пот, принялся утешать неволью проснувшуюся супругу: мол, ничего страшного, просто ночной кошмар. Но когда жена вновь задремала, отец Илия судорожно, с чувством подкатывающей паники, прохаживаясь по спальне из угла в угол, попытался вспомнить содержание диалога из сновидения. Немного поразмыслив, батюшка успокоился, привёл себя в чувство и лёг обратно на супружеское ложе. Из его головы всё никак не выходили слова, сказанные святыми угодниками. Отец Илия без конца вертелся и не мог найти себе места. Правда, вскоре священник всё же справился с приступом тревоги, принял удобную позу и тихонько засопел. Отец Илия вспомнил слова святых отцов: старцы советовали с осторожностью относиться к сновидениям. А то обстоятельство, что на днях совершался молебен святым Киприану и Иустине, окончательно развеяло сомнения батюшки, и он с душевной радостью заключил, что этот сон не что иное, как просто фантазия, а проще говоря – проделки лукавого, обычный обман, которому не стоит уделять столь пристального внимания. Но как бы ни убеждал себя отец Илия, растревоженное сердце не знало более покоя...

К утру батюшка пуще прежнего стал ворочаться на своём ложе. Непokoйный сон прервал сильный, шквалистый ветер, отчего кроны деревьев гнулись, как прутья, а шелест листьев напоминал прибой или даже небольшой шторм, разыгравшийся совсем неподалёку, – волны хлестко разбивались о прибрежные камни и медленно сползали обратно в морскую пучину, издавая шипящие, приятные для уха и нервной системы звуки. Отец Илия наконец-то смог расслабиться и совсем не торопился вставать. Он ещё долго томился в дремоте, ожидая звона будильника. Шум ветра и шелест листьев совсем его не смущали, а, наоборот, действовали усыпляюще. Священник по привычке думал, что матушка, как всегда, забыла закрыть на ночь окно.

Провалявшись, как ему казалось, целую вечность, отец Илия сладко зевнул, открыл глаза и с ужасом обнаружил, что он находится в каком-то неведомом месте. Это был шалаш отшельника: сложенные домиком прутья упирались в голову, да так, что в этой «хижине» можно было передвигаться только гуськом. Нервно озираясь по сторонам, батюшка пытался осознать реальность происходящего. «Этого не может быть! Это, наверное, сон или чья-то злая шутка! – успокаивал себя священник, стремясь как-то оправдать ужасную явь. – Просто кошмар, и не более. Сейчас прозвенит будильник и я пойду на Литургию!» Отец Илия упал на колени и, разглядев, что одет в рубище, давно не знавшее стирки, взмолился:

– Боже Милостивый, помилуй меня грешного! Не дай погибнуть от стрел вражеских. Прости мне все прегрешения. Яви мне Свою милость, молю Тебя! Убереги от врага всепогубляющего, не дай уснуть в греховней смерти! Спаси и сохрани мя, избави мя от напасти вражией. Не дай места лукавому демону обладати мной насильством смертного сего телеси, исцели меня, Господи! Изыми меня из пасти окаянного зверя, помилуй и прости!

Но, увы, молитвы батюшки остались без ответа. Чуда не произошло. Он ещё несколько раз тщетно пытался выпросить прощение у Господа, но ничего не помогало. Небо не внимало мольбам священника. В ужасе отец Илия осматривал своё новое жилище, то и дело дёргал себя за патлатую голову и в истерике рвал на себе грязные лохмотья. «Что за наваждение? Мне всё это чудится или я просто сошёл с ума? – в панике восклицал батюшка. – Этого просто не может быть!»

Промаявшись около часа, священник всё-таки смирился со своей участью и понемногу пришёл в себя. Он потихоньку вылез из хижины, осмотрелся по сторонам и понял, что находится посреди дремучего леса: вокруг полумрак, сырость и холод, и даже дневной свет не способен был проникнуть в непролазную чащу. В конце концов отец Илия собрался с силами и начал пробираться сквозь иссохшие заросли елей, осин и берёз. Босыми ногами батюшка ступал по мху и осторожно продвигался в глубину леса. Ломая ветви деревьев и отмахиваясь от слепней и мошкар, он наконец-таки вылез на маленькую опушку возле болота. И здесь стали происходить поистине странные и даже мистические вещи. Батюшка не мог поверить своим ушам и глазам: он слышал и понимал голоса зверей и птиц. Отец Илия подумал, что ему всё это почудилось, но вскоре понял, как сильно ошибался... Внезапно ему под ноги прыгнула белка и взмолилась: «Милый, добрый человек, помоги Христа ради! У меня бельчата голодные сидят, а они ведь совсем крохи. Будь милостив, добрый человек! Я пойду к ним, а то боюсь их одних оставить, а ты собери мне несколько горсточек орешков, Божий человек!»

Отец Илия остолбенел, словно увидел саму смерть. Ноги резко подкосились, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Батюшка повёл взглядом в сторону и, оцепенев от испуга, побелел как полотно. На него с вопрошанием и надеждой смотрели все виды лесных зверей и птиц, и каждый нуждался в совете и помощи. Не владея собой от страха, батюшка ринулся с лесной опушки. По кустам, через непролазные кушеры, он ломился прочь. Ветви деревьев нещадно хлестали его по лицу, а в ноги впивались колючки. Не зная устали, священник пробирался сквозь чащу, в ужасе кричал пришедшие на ум молитвословия, и казалось, вот-вот сойдёт с ума, если не сможет преодолеть дикие заросли, которым не было видно ни конца ни края. Отец Илия старался не оглядываться и лишь прибавлял шаг. «Быстрее! Скорее! Прочь из этого ада! Только бы сил хватило! Господи!» – возопил к Небесам батюшка.

Вконец измотавшись, отец Илия остановился, с опаской посмотрел через плечо и с выпученными от страха глазами, кашляя от одышки, побрёл дальше вглубь леса. Батюшка прошёл ещё с полверсты, прежде чем уткнулся в ветхую хижину отшельника, из которой и начал свой путь спасения. Священник понимал, что не за горами длинная холодная ночь, и решил не испытывать судьбу, а заночевать прямо здесь. Едва батюшка закрыл глаза, как мгла окутала всё вокруг. Сквозь дремоту он слышал шум ветра, гуляющего между деревьями, и стрекочущих цикад. И всё бы ничего, да только враг не спал, а ждал своего часа...

Священник проснулся около полуночи от резкого шума и постепенно нарастающего треска. От страха батюшка подскочил и со всего маху ударился лбом о деревянное перекрытие внутри шалаша. Вдали раздался душераздирающий вопль:

– Я слышу его! Мы уже близко, отец Илия!

«Бесы», – подумал батюшка и что есть силы пнул дверцу хижины. Та слетела с петель и разбилась вдребезги. Отец Илия выпрыгнул из шалаша с такой прытью, словно увидел целое полчище лесных гадов. Крича в исступлении, он бросился наутёк и пожелал в то мгновение лишь одного – быстрее оказаться дома, где бы его ждала любящая семья: милая сердцу матушка и славные детишки.

Очередной марш-бросок давался с большим трудом. Мысли в голове путались и не подчинялись воле священника, отчего он испугался ещё больше и уже не владел собой: тело не слушалось, а движения казались неестественными. Паника и ужас охватили разум батюшки, и он, словно одержимый, нёсся в направлении света. Изрезав ноги в кровь и разорвав всю одежду, он бежал куда глаза глядят. А силы были на исходе...

– Отец Илия! – раздалось из глубины леса. – Постой, куда же ты так торопишься, не на тот ли свет случайно? А-ха-ха-ха-ха!

– Изыди, Сатана! – завопил батюшка. – Сгинь, нечистая!

– Ну, зачем же так грубо, отец Илия? Мы же с тобой одной крови! А-ха-ха-ха-ха! – зловеще продолжал голос. – Или не помнишь? Око за око, зуб за зуб!

– Ты мне не друг, погубитель человеков! – закричал батюшка. – Изыди именем Животворящего Креста, Господи Иисусе, помоги-и-и-и!!!

– Не поможет тебе твой Боженька! Далеко ты от Него ушёл, а Он от тебя! А-ха-ха-ха-ха! Извержен будешь во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов!

Батюшка обернулся и, разглядев в синеве тумана скачущих по деревьям чертей, двинулся дальше, петляя между кустарниками. Вскоре бесы всё же настигли отца Илию и начали набрасываться на него, кусать за спину и заплетать ноги. Батюшка спотыкался и падал, визжал от боли и животного ужаса и из последних сил отбивался от нечистых духов. На глазах у священника деревья превращались в демонов. Они клацали пастями и хлестали отца Илию по лицу сухими ветками-плетьюми. Весь измученный и истощённый, с окровавленным лицом и в изрезанном рубище, батюшка кое-как доковылял до той самой речушки, что раскинулась на пути к его дому.

«Слава Тебе, Господи!» – воскликнул отец Илия и упал как подкошенный. Он подумал было, что наконец отвязался от настигшего врага, и на секунду закрыл глаза. В тот же миг над речкой поднялся ураган. Деревья в округе стали падать, словно колосья из-под косы, а некоторые и вовсе ветер вырывал с корнем. Ведьмы и лешие закружились над водой, а огненный смерч, восстав из реки, ослепил батюшку. Отец Илия встал на колени, но от бессилия тут же рухнул оземь. Из последних сил он повернул голову налево и увидел две сломанные берёзовые веточки. Батюшка поспешно очистил их от листвы, несколько раз надломил и, соорудив импровизированный крест, закричал что есть мочи: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением!» После этих слов отец Илия слегка приподнялся, осенил себя крестным знамением и отключился.

Рассвет озарил небо, и багряные облака поплыли в сторону запада. По-видимому, будильник показывал пять утра. Матушка всю хлопотала по хозяйству. Дети визжали и плакали. Все домашние собирались на Воскресное Богослужение. Только отец Илия ничего этого не видел... Он очнулся на том же месте. Лицо его покрывали язвы, а тело было истерзано многочисленными ранами и ожогами. Не до конца понимая, что же произошло, батюшка протяжно застонал от боли, но всё-таки нашёл в себе силы и поднял голову. Он взглянул в сторону дома, отряхнулся и пополз к возвышенности. Отсюда батюшка мог отчётливее наблюдать за своей семьёй. Каково же было удивление отца Илии, когда вдалеке он увидел фигуру удаляющегося священника, родную матушку и деток, которые шли рядом и с любовью обнимали неведомого ему самозванца. «Не может быть! – промолвил батюшка. – Нужно во что бы то ни стало добраться до храма и расставить всё по своим местам!»

Израненный и обессиленный, он отправился в путь. Запинаясь и хромая, отец Илия тихонько брёл в сторону сельской церквушки и чувствовал себя прокажённым. Люди, которые встречались ему по дороге, небрежно отворачивались и проклинали батюшку. Дети кричали и в ужасе убегали прочь. В ответ на просьбу дать воды тучная крестьянка обругала отца Илию почём зря и велела убираться во свояси. Батюшка, к своему большому удивлению и негодованию, ещё долго и тщетно пытался найти дорогу к родному храму, плутая в лабиринте деревенских избёнок, которые таинственным образом выстраивались заново перед взором священника и раз за разом заставляли батюшку проходить один и тот же путь. Время тянулось так медленно и вязко, будто оно и вовсе остановилось, а горе-путник, застряв между небьюлю и призрачной явью, обречён отныне на бесконечные мучения и скитания.

Когда отец Илия всё-таки нашёл тропинку, ведущую к церкви, то очень обрадовался, так как уже и не надеялся, что это вообще произойдёт, ибо, как он думал, прошла целая вечность. «Ну, наконец-то я смогу всем рассказать, кто есть кто, и справедливость восторжествует!» – говорил сам с собой священник. Но никто не спешил признавать отца Илию...

Батюшка остановился на паперти и стал жадно всматриваться в открытые двери храма. Сквозь толпу прихожан отец Илия разглядел знакомый силуэт священника и вновь испытал дикий ужас. Раздался звон колоколов. Проповедь медленно подходила к концу. Люди упоённо внимали каждому слову, которое произносил проповедник, и казалось, ничто не может нарушить эту идиллию. Но

вдруг народ засуетился. Прихожане начали толкать друг друга локтями и неистово возмущаться. Из толпы раздался истошный крик:

- Негодяй! Мерзавец! Люди добрые, посмотрите, это же самозванец!
- Это ещё что за чудо-юдо? – возмутился настоятель храма.
- Что ж творится, честной народ?! Лжеучителя пустили в Дом Божий?! – надрывно закричал отец Илия и заплакал.

Не говоря ни слова, священнослужитель спрыгнул с амвона и быстрым уверенным шагом направился к дверям храма. Подбежав к юродивому, священник наклонился, замахнулся и изо всех сил пнул дурачка в спину, да так, что тот вверх тормашками полетел с лестницы.

– Т-ты?! – заикаясь, произнёс отец Илия. – Я тебя узнал. Люди, люди! Смотрите, это же наш блаженный Алёшка в облачении священника дурит вам головы!

Подскочивший священник склонился над отцом Илиёй и прошептал:

– Нет, отец Илия, я теперь отец Алексей. А вот кто вы будете на самом деле, известно только вашему Богу, ха-ха-ха-ха!

– Как же так-то? Господи, помилуй! Этого не может быть...

– Ещё как может, – тихо сказал настоятель. Повернувшись к людям, он картинно, с ехидной улыбкой на устах развёл руки в стороны:

- Дорогие прихожане, не обращайтесь внимания, это наш местный дурачок Илюшенька.
- Что ты себе позволяешь, лжеучитель?! – воскликнул отец Илия и набросился на обидчика.
- Ну что, отец Илия, где же теперь твой Бог? – шёпотом продолжал священник. – Или Он от тебя отказался?

В глазах обороняющегося священнослужителя вспыхнул огонь. Холодный ветер обдул лицо отца Илии, и он с ужасом отстранил от себя соперника.

– Люди добрые! – воскликнул отец Илия. – Это же сам Сатана в обличье человека! Кто-нибудь из вас видел матушку и деток моих?! – обращался к прихожанам обезумевший от горя отец Илия и высматривал в толпе родные лица. – Что ты с ними сделал, Сатана?!

– Теперь они мои чада! – торжественно заявил самозванец и сверкнул глазами оборотня. – Не беспокойся, отец Илия. Я позабочусь о них в твоё отсутствие, ха-ха-ха!

Над церковью закружило вороньё. Густой туман затянул всё небо. Резко потемнело. Люди в панике разбежались кто куда. Вдали послышался вой сирены.

– Санитары! – зловеще крикнул настоятель. – Как вы и заказывали, отец Илия!

Из подъехавшей кареты скорой помощи выбежали четверо здоровых санитаров. Они спешно скрутили вопящего отца Илию и поволокли его в фургон. Уложив батюшку на каталку, один из медбратьев вколол ему изрядную дозу успокоительного и под звуки сирены все четверо принялись нещадно избивать бедолагу.

– Ну что, ты готов пострадать во имя Христа, Бога твоего? – кричал разъярённый санитар. – Или лучше без мучений поедешь с нами?!

– Куда?... Куда вы меня везёте, изверги?! – вопрошал почти в беспамятстве отец Илия.

– Куда надо, туда и везём, – ответил второй здоровяк. – Тебе самому выбирать! Или с нами и будешь блистать, или... Или будешь страдать, как страдал твой Господь!

– Делайте что хотите... – сказал окончательно ослабший батюшка. – Мне всё равно терять нечего, я уже всё потерял, кроме Господа Бога моего, Иисуса Христа!

Через мгновение отец Илия потерял сознание. Сколько он так пролежал, одному Богу известно...

Батюшка очнулся в палате для буйных и попытался встать, но не смог. Изучив обстановку, он обнаружил, что прикован ремнями к больничной койке. Отец Илия попробовал высвободиться, но в итоге лишь обречённо вздохнул и расплакался. Понимая безысходность своего положения, он закрыл глаза и в отчаянии взмолился: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мене, грешнаго! – без устали повторял батюшка. – Враг ополчился на меня! Господи, не дай погибнуть от вражеских стрел. Огради меня от дьявольских козней! Спаси и сохрани, Господи!...»

Прошло около часа. Отовсюду доносились брань и крики душевнобольных. Запах хлорки перемешивался с запахом лекарств и больничного белья. К горлу отца Илии подступил ком, тело покрыла горячая испарина, и он на минуту подумал, что находится в преисподней, что так он и выглядит – ад

наяву... Издалека послышался стук каблуков, и вскоре в глубине коридора показался силуэт доктора. «Ну, слава Богу! – подумал отец Илия. – Наконец-то я смогу рассказать всё. Надеюсь, меня поймут и выпустят из этого ада!» Приближающаяся фигура не внушала доверия: крупное тело, массивные конечности, квадратное лицо, огромные очки в роговой оправе на пол-лица, шаркающая походка и фальшивое, прерывистое посвистывание – всё это скорее наводило ужас, нежели вызывало благо-расположение.

– Здравствуйте, Илья Васильевич! – хрипловатым голосом сказал врач. – Как ваше самочувствие? На что жалуетесь?

– Д-д-да я это... – отвечал отец Илия, – ни на что не жалуюсь, доктор... Понимаете, какая штука: если я вам расскажу всё как есть, то вы мне точно не поверите.

– Так, понятно... – тяжело и озадаченно вздохнул врач. – Галлюцинации, бред. Похоже, что терапия не помогает...

– Что, что вы сказали? – переспросил батюшка. – Галлюцинации? Бред? Вы о чём, доктор?

– Да вы не волнуйтесь так. Отдыхайте, набирайтесь сил, сейчас у вас по расписанию капельница с транквилизатором, а перед этим к вам зайдёт ваш знакомый священник.

– Священник?! – в ужасе воскликнул батюшка. – Я не звал никакого священника!

– Ну как же, Илья Васильевич? Вы же сами давеча изъявили желание исповедоваться...

Не вникая словам больного, доктор молча подкатил капельницу к койке и исчез в дверном проёме. Немного погодя послышались уверенные шаги, и на пороге палаты появилась фигура священника. От парализующего чувства страха отец Илия съёжился и с усилием вдавился в кушетку. Перед ним стоял дурачок Алёшка.

– Приветствую вас, отец Илия! – радостно произнёс священник. – Наверное, не ожидали меня увидеть так скоро?

– Что за дьявольщина?! Снова ты?! – закричал отец Илия. – Как тебя земля носит, исчадие ада?!

– Да полно вам, отец Илия. Вы бредите, но явно идёте на поправку. Я только что говорил с вашим лечащим врачом. Он сказал, что потребуется ваше терпение и несколько месяцев стационара, и вас, вполне вероятно, выпишут. А сейчас, давайте, я выполню свой долг. Проще говоря, приступим к таинству исповеди.

– Что?! Да как ты смеешь?! – закричал отец Илия. – Не стану я исповедоваться перед самим Сатаной! Врача! Врача! Я немедленно требую врача!!!

В палату мгновенно вбежали двое здоровяков в белых халатах. Один приготавливал капельницу, а второй принялся туже затягивать ремни на кушетке. Отец Илия громко закричал и, кусая санитару за руки, начал извиваться на постели, словно выброшенная на берег рыба. Вконец измучившись, батюшка с ещё большей силой вдавился в койку. Он с ужасом наблюдал за действиями первого санитару и про себя молился Всевышнему. Медбрат, увидев, что отец Илия обессилел, без промедления подкатил капельницу с раствором. Санитар с неистовым наслаждением вонзил иглу в вену батюшке, ядовито ухмыльнулся и сказал:

– Ну всё, допрыгался, кузнечик! Теперь поспишь пару суток, а дальше мы разберёмся.

Через пару минут отец Илия закрыл глаза и провалился в крошечную тьму...

Батюшке чудилось, что он находится в каком-то вакууме: повсюду чернота и глушь, как будто он оказался вне пространства и времени. На долю секунды священником овладело чувство бурной тревоги, но, завидев яркий луч света, он тут же воспрянул духом, и в его душе вновь забрезжил огонёк надежды. Луч становился всё ярче и ярче и в конце концов ослепил батюшку божественным светом. В следующее мгновение отец Илия чудесным образом оказался в дивном месте. На облаках стоял город невиданной красоты. Купола башен и крыши домов озарялись радужным блеском. Белизна построек приводила душу в неопишуемый восторг. На сочных цветочных лугах паслись довольные животные. Птицы заливались удивительными трелями. На миг отец Илия подумал, что он в раю, и пошёл было навстречу прекрасному граду, но вдруг почва под ногами начала неумолимо таять, и батюшка провалился вниз, в тёмную бездну. Во время полёта у него перед глазами промелькнула вся жизнь в мельчайших подробностях, со всеми перипетиями, взлётами и падениями. Внезапно он со всего размаху ударился об испепелённую землю. Немного погодя отец Илия встал и огляделся по сторонам, но не увидел ничего живого. Кругом руины, выжженные города и сёла, и ни единой

души. Раздался гром. Батюшка запрокинул голову вверх. Над ним нависли огромные тучи, и молнии засверкали так, словно это был предвестник апокалипсиса. Через минуту небеса разверзлись, и на горизонте появилось яркое солнце. В воздухе повисла звонкая тишина, и только крылья белой голубки шелестели, благозвучно нарушая торжественное безмолвие. Неожиданно с неба раздался бархатный голос:

– Сын Мой, подойди ближе! Ничего не бойся!

– Господи Боже! Неужели это Ты со мной говоришь? – Батюшка сделал шаг вперёд.

– Да, сын Мой, – провозгласил голос. – Готов ли ты послужить Мне верой и правдой и всей жизнью своей?

– Конечно, Отец мой Небесный!

– Готов ли ты отречься от всех своих грехов и пороков, имени своего, матери своей, и жены, и детей и идти за Мною, чтобы наследовать Царствие Небесное?

– Господь Вседержитель, Боже Всемилостивый! Конечно, я готов! – прокричал отец Илия.

– Хорошо, я верю тебе, сын Мой. Да, не искутит тебя диавол!

В мгновение ока солнце закрыла пелена из густой мглы. Отец Илия всё так же стоял на испепелённой земле, которая напоминала выжженную пустыню. Батюшка чувствовал дикую усталость, голод и жгучую жажду. Он не знал, что ему делать и куда идти, но нашёл в себе силы и смелость и отправился навстречу неизвестному. Во время своего шествия по песчаным барханам священник неустанно творил Иисусову молитву, то и дело поглядывая на небеса в ожидании чуда. Чуда не происходило... Становилось только темнее и холоднее, и ничего не предвещало положительного исхода... Вдруг вдалеке, на линии горизонта, замерцали еле уловимые для глаза огоньки. По мере приближения к цели перед взором отца Илии стал возвышаться необыкновенной красоты город, ночные огни которого так манили и притягивали, что если бы не некоторая отчуждённость и искусственность сего объекта, то можно было бы с удовольствием раствориться в такой притягательной и приятной глазу атмосфере.

Спустя время батюшка достиг окраины города и обнаружил, что дороги пусты, а тротуары безлюдны. Сильно прищурившись, отец Илия всмотрелся вдаль и увидел стремительно приближающийся автомобиль. Через несколько минут перед ним остановился чёрный спортивный кабриолет. Стеклоподъёмник опустился, и из окна показалось знакомое лицо:

– Рад вас видеть живым и здравствующим, отец Илия.

– Алёшка? Дурачок? – в изумлении проговорил батюшка. – Ты-то как тут оказался?!

– Садитесь, отец Илия, я вам всё объясню.

Батюшка, немного поколебавшись, всё же сел в иномарку. Алёшка нажал на газ, да так, что отец Илия глубоко вдавился в сиденье. Это чувство было ему знакомо, и оттого очень ненавистно.

– Я теперь не Алёшка, а Алексей Абрамович Либерман, преуспевающий бизнесмен и очень даже влиятельный политик, батюшка. Так что могу показать вам все краски жизни!

– Постой, все краски жизни, говоришь? – ответил отец Илия. – Ты мне лучше поведай, дорогой мой друг, как это ты из грязи в князи-то в одночасье заделался?

– Ну, почему из грязи? – спросил Алёшка. – Хотя, если поразмыслить, то, наверное, да, из грязи. Ха-ха-ха!

– И что же тут смешного, Алексей Абрамович?

– Да так, ничего особенного. Со временем узнаете, отец Илия.

Минуя безлюдные окраины, путешественники очутились в самом сердце города. Здесь жизнь кипела так, словно сам Сатана приглашал всех на грандиозную вечеринку. Алёшка мечтал угодить батюшке и оттого выбрал самый длинный маршрут: через деловые проспекты и развлекательные кварталы. Отец Илия не раз и не два отмечал, что где-то он всё это уже видел: пышногрудые женщины в дорогих нарядах, удивительная архитектура домов, пёстрые витрины магазинов и ресторанов, дурмящий запах летних цветов и стойкие ароматы зарубежных духов, манящие вывески торговых центров и казино, завлекающие своей порочностью стриптиз-бары и ночные клубы. Но что больше всего изумило отца Илию, так это отсутствие суеты, вернее сказать, абсолютная безмятежность и вопиющая распущенность людей, от которых за версту веяло философией вседозволенности.

Праздные раздумья батюшки прервал бизнесмен Либерман:

– Покатались, и хватит! Надо бы подкрепиться. Что скажете, отец Илия?

– Да... – устало сказал батюшка. – Я и вправду проголодался... А чем мы можем пополдничать?

– Стейк с кровью и душевные страсти! Ха-ха-ха!
– Это что ещё за наборчик такой, просветите! – в изумлении произнёс отец Илия.
– А вам будто непонятно? – продолжал Алёшка. – С-т-е-й-к с кровью или д-у-ш-е-в-н-ы-е страсти!
– А, кажется, я понял, к чему ты клонишь! – в ужасе воскликнул батюшка. – Изыди, Сатана!!!
– Отчего же вы так неласковы со мной? Я же теперь большой человек – как вы сами сказали, из грязи в князи. Да, только я теперь князь мира сего, князь тьмы, ха-ха-ха-ха!!!
– Изыди, изыди! Господи, огради меня от всепогубляющего зла! – вскрикнул отец Илия и на ходу выскочил из машины.

– Ну куда же вы, отец Илия? – спросил внезапно оказавшийся рядом Алёшка и крепко обнял священника. – Оставайтесь с нами, будет весело, я уверяю, ха-ха-ха-ха!!!

Обезумевший от страха батюшка попытался вырваться из плена соперника, но не смог совладать с силой врага, многократно превышающей его собственную. Алёшка взмыл в небо, предварительно схватив отца Илию за грудки. Батюшка испытал такое дикое чувство страха, сравнимое с ужасом, что чуть не потерял сознание.

– Что же вы такой слабенький, отец Илия? А ещё священнослужитель.
– Отпусти меня, Богом молю, отпусти!
– Нет здесь твоего Бога, только ты да я, да мы с тобой. Давай-ка лучше развлечёмся как следует, а?
– Что, что ты от меня хочешь? – спросил напуганный батюшка.
– У меня есть два варианта развития событий: хороший и плохой. Тебя какой устраивает?
– Мне ничего от тебя не нужно, Сатана, и от твоих бесовских приспешников! Господь – моя сила!
– Да что ты заладил: Господь, Господь? Давай лучше выпьем чего-нибудь...

В следующую секунду Алёшка и отец Илия очутились в баре. Повсюду разгуливали куртизанки, вино и пиво лились рекой. Содом и Гоморра казались лишь жалким подобием необузданной вакханалии.

– Отец Илия, давайте по-честному, – лстиво улыбаясь, сказал Алёшка. – Неужели вы никогда не хотели жить на широкую ногу, иметь богатство, славу, менять женщин? Вы же всё время пребывали в моём любимом грехе уныния, зависти и гордыни, но гордость из них первая.

– Да, пребывал, и я каюсь, но не пред тобою, а пред Господом Богом моим! – вскрикнул батюшка.
– Плюнь ты уже на всё это. Давай лучше вместе покорим мир, и я буду одаривать тебя золотом и бриллиантами. Ты будешь купаться в славе и роскоши. Тебе будут кланяться, падать в ноги сильные мира сего!

Алёшка опять взмыл в воздух, прихватив с собой изрядно потрёпанного отца Илию.
– Посмотри на этот город и мир вокруг, глупец! Это всё может быть твоим! Ты только согласишься на взаимовыгодное сотрудничество!!

– Какое такое сотрудничество? – спросил измождённый батюшка.
– Всё просто, как раз-два-три! Раз – ты готов сотрудничать, два – ты отрекаешься от своего Бога и кланяешься мне! И три – я забираю твою душу!
– У меня есть встречное предложение...
– Это какое же?! Я весь внимание!
– Раз, два, три – Святая Троица! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа изыди, Сатана!
– А-а-а-а! – простонал Алёшка. – Какой же ты глупец! Но да будь по-твоему, гори в геенне огненной! Вечно!

Не успев закричать, отец Илия с высоты птичьего полёта был сброшен вниз. Он камнем ударился оземь и больше не встал...

Светало. Первые лучи солнца озарили крышу на избе отца-настоятеля. Прозвенел будильник, и в доме началась суета. По всей видимости, это был понедельник. Матушка, как обычно, варила, парила, стирала. Отец Илия открыл глаза и упёрся взглядом в белёный потолок. Сделав глубокий вдох, он почувствовал запах свежей домашней выпечки. Первая мысль, которая посетила батюшку: «Дивны дела Твои, Господи! Благодарю Тебя, Всевышний, за то, что не дал мне погибнуть в моём грехе гордыни и уныния! Слава Богу за всё!» – Слова сии звучали песней в душе, услаждая сердце человека, который вновь познал Христа.

«Стоп! – продолжил размышления священник. – А где же сейчас Алёшка? Надо немедленно разыскать его!»

Отец Илия выбежал из дома и отправился напрямик в храм. Домчавшись до церковной ограды, он увидел сидящего на паперти Алёшку и что есть мочи закричал:

– Лёшка! Родненький, прости! Молю тебя!

Батюшка бросился к юродивому, обнял его и стал целовать, а потом ещё целый час просил у местного дурачка прощения. Увидев это, народ дивился и приговаривал:

– Эвона как бывает! Батюшка-то наш, отец-настоятель, совсем того, видать! Из ума выжил! Вчера дурачка пинал почём зря, а сегодня, смотри, что делается: руки и ноги ему целует! Похоже, у нас на селе теперь два блаженных будет!

Не обращая внимания на зевак, отец Илия помог юродивому подняться и направился вместе с ним в баню, а потом и в трапезную, а после, ближе к вечеру, и вовсе повёл местного дурачка к себе домой. Так и стал блаженный сначала жить у отца Илии, а потом и в алтаре прислуживать. Вскоре Алёшка прослыл не просто дурачком и юродивым, но и провидцем-целителем, который мог предсказывать события и врачевать разнообразные душевные и телесные недуги. Узнав о святом человеке, многие страждущие и нуждающиеся из соседних селений, а впоследствии и за пределами оных возжелали узреть чудотворца своими глазами и поспешили обратиться за помощью. Деревушка и маленький сельский храм в мгновение прославились, и у отца Илии более не было повода для уныния и печали, ибо Господь позаботился о чаде Своём и отныне пребывал в сердце священника во все времена...

СЛУЧАЙ

Рассказ

На дворе стояла то ли глубокая осень, то ли середина весны, – что именно, история, к сожалению, умалчивает. Как ты понимаешь, дорогой читатель, возможны оба варианта. Но не в этом суть. Нам важно другое – сама история, что приключилась в этот переходный период, или, проще говоря, в смену сезонов в стенах одной частной больницы – клинике неврозов, которая находилась не где-нибудь там, а в самом центре города (Ё) – в районе престижном и весьма зажиточном.

Альберт Исаакович Шпильрейн – молодой, но уже достаточно известный психиатр-психотерапевт, занимающий должность главврача и генерального директора сего заведения, сидел в своём кабинете в стёганом кресле горчичного цвета за массивным дубовым столом и, подперев голову костлявыми руками, тревожно вслух размышлял:

– Я так измотан... Боже, мне так плохо... Эта неврастения точно сведёт меня в могилу. И почему я ничегошеньки не делаю для себя любимого, а только для этих – неблагодарных, вечно ноющих пациентов-невротиков?... Это ведь так просто. Здоровый эгоизм, и всего-то... Да! Точно. Нужно сократить рабочие дни и количество приёмов, а также отказаться от участия в симпозиумах и конференциях! И уехать на море, отдыхать и наслаждаться жизнью! Обязательно!

Внезапно раздался отрывистый и настойчивый стук, больше похожий на дробь, чем на просто одиночные, мерно следующие друг за другом деликатные удары костяшек о деревянную дверь. Альберт Исаакович, чуя угрозу, немедленно съёжился и залез под рабочий стол – ни дать ни взять улитка, которая, увидев опасность, отступает и быстро прячется в раковине от греха подальше.

Прошло около минуты, прежде чем доктор собрал волю в кулак. Он вылез из своего укрытия, принял успокоительное, предвидя паническую атаку, выпрямился в струнку и замер.

– Да-да, входите... входите же! – неуверенно произнёс врач и, снова ссутулившись, продолжил, но только уже себе под нос: – Лучше бы я притворился, что меня здесь нет... Или ещё лучше, если бы я умер, например... А что, хорошая идея! Надо сказать об этом моей секретарше Сабине, чтобы впредь меня никто не беспокоил... – Психиатр, не останавливаясь, напряжённым голосом говорил сам с собой, и, поскольку посетитель не торопился зайти в кабинет, у доктора появился лишний повод потревожиться, а заодно и поразмышлять о дне насущном: – Кстати, почему этой вертихвостки Сабины до сих пор нет на рабочем месте?! И охранники какие-то незнакомые на входе парадном сегодня... Может, смена другая?... Странно, конечно, всё это... Надо больше отдыхать, Альберт Исаакович, больше отдыхать, выспаться, в конце концов... Да и персонал словно сквозь землю провалился! А уже, между прочим, девять часов утра! Снова всё на мне, только на мне! Никто не хочет работать!

Через мгновение в кабинет зашёл человек средних лет. С виду бизнесмен или звезда – с первого взгляда было не разобрать. Что-то вроде того. Поскольку уж больно вычурно, дорого-богато, как говорится, он был одет: соломенная шляпа а-ля канотье, красный твидовый костюм в крупную белую клетку и чёрно-белые классические лакированные туфли. В руках непрошенный визитёр держал бамбуковую тросточку, которую время от времени виртуозно крутил, а затем ставил на пол. Опершись на палочку, мужчина пританцовывал и покачивал головой в такт слышной только ему мелодии. Незванный гость – маленький толстячок со здоровым румянцем на щеках – был весьма доволен собой и, видимо, жизнью в целом. Весёлый, опрятный и при этом спокойный, он производил скорее хорошее впечатление, что, конечно же, было не свойственно людям, которые обращались за помощью к доктору Шпильрейну, – молодому дарованию в области психотерапии. Клиентами-пациентами Альберта Исааковича обычно становились невротики, ипохондрики, истерики и иже с ними – личности весьма беспокойные и тревожные, которые для обывателя, относительно здорового человека (если есть таковые, в принципе), далёкого от новомодного увлечения психотерапией и психологией, были что ни на есть настоящими сумасшедшими. Место таковым, по убеждению «нормальных», было не где-нибудь, а как раз таки в психушке, – или в дурдоме, если говорить простым языком.

– Здравствуйте, Альберт Исаакович! Мне есть-таки много чего рассказать вам! – вежливо, бодрым тоном поздоровался «звезда» и плюхнулся на уютный скандинавский диван напротив стола психиатра.

– Здравствуйте... – в замешательстве ответил врач. – А с кем я имею?.. Простите, а вы уже были у меня на приёме?..

– Док, ну ты чё, не признал-таки меня, что ли?! В натуре! Ха-ха, вот умора! Ха-ха-ха! – рассмеялся собеседник. – Эт ж я, Святослав Карлсберг!

– Святослав Рувимович?.. – опешил психотерапевт. – Неужели это вы?.. Какие, однако, разительные изменения с вами произошли... Вас не узнать... Ни по внешним признакам, и уж тем более по внутренним...

– А то ж! – самодовольно воскликнул пухляш. – Я-таки полностью поменял свою жизу и, следуя, между прочим, твоим ценным указаниям, док, исправил-таки свою бета-реальность! Сечёшь? Ха-ха! И прошу, дружище, называй меня отныне – Сэм. Это моё погоняло такое. Ну, в клубе миллионеров прозвали так, короче...

– И как вам всё это, скажите на милость, удалось, если не секрет, конечно?.. – недоумевал доктор. – Вы же были таким неуверенным в себе человеком, абсолютно нерешительным и очень забитым... Помнится, что вы ко мне обратились за помощью, точнее сказать, за вас это сделали ваши родственники. Видимо, родители... Чтобы вытащить вас из затяжной депрессии с эпизодами ипохондрии. Фактически у вас было генерализованное тревожное расстройство... Вы боялись всего, абсолютно всего... Даже просто выйти на прогулку вокруг собственного дома... Скажите, любезнейший, как?.. Как вам удалось побороть ужасную тревогу, что одолевала вас на протяжении многих лет?

– Док, ну ты чё, серьёзно, что ли?! Чё-то ты совсем сдал, дружище... – отозвался Святослав Рувимович. – Ты же сам меня учил, что нужно просто ни о чём не думать, не париться-таки по пустякам и довериться потоку, течению, или как там, ёшки-мошки... В общем, раствориться во времени, стать частью бытия, поскольку, как ты сам вещал, док, Бог нас создал из земли; поэтому мы, мол, должны-таки быть частью этого сумасшедшего мира, встраиваться в него как пазл, типа, а не пытаться жить в индивидуальном порядке, – вне социума, думая, что мы-таки существуем отдельно от всего живого. Сечёшь, док? Вспоминаешь? В потоке быть, етить-колотить! В потоке. На расслабоне, на чиле, короче. Но для начала, дружище, нужно успокоиться. Прийти в себя, типа. Как сделал я, отправившись в дивные дали.

– И как вам это удаётся? Быть на расслабоне и на чиле?.. – осторожно поинтересовался Альберт Исаакович. – Простите, какие дали вы упомянули?..

– Док, чё происходит-то?! Ты мне чё мозги делаешь? Кто здесь психотерапевт, в натуре, я или ты? Ты ж самый лучший мозгоправ своего поколения, если рейтинг и статистика не врут! – Бывший пациент был чрезвычайно удивлён и возмущён.

– Да-да... Вроде как... Я лучший... – неуверенно ответил психотерапевт. – Но дело в том, что...

– О-о-о... – Бизнесмен огорчённо вздохнул, снял шляпу и протёр лоб шёлковым платочком. – Как всё запущено, док... Как ты себя довёл до такого плачевного состояния, в натуре?.. – Толстячок резко соскочил с дивана, подошёл вплотную к столу психотерапевта и, склонившись над ошеломлённым

доктором, шёпотом, но возбуждённо сказал: – Всё просто, как два пальца... Док... Нужно просто жить в удовольствии. Для себя, сечёшь? Для себя любимого, дружище! Никаких долженствований и чувства вины, никаких! Ни перед сослуживцами, ни перед больными, ни перед родителями, ни даже перед детьми, ёкарный бабай! Ты никому-таки ничё не должен! Ты свободен как птица, что мечтает раскрыть сложенные запылившиеся крылья и улететь в дивные дали!

– Не должен... – Озадаченный Альберт Исаакович на несколько секунд погрузился в тревожные раздумья. – Никому ничего не должен... Ни родным, ни пациентам... Крылья, мои крылья... Я птица... Дивные дали...

– Именно, док! – радостно воскликнул Святослав Рувимович и начал отбивать чечётку, кружиться вокруг своей оси и вальсировать, пристукивая в такт бамбуковой палочкой-тростью. – Тру-ля-ля, тру-ля-ля! – в экстазе кричал бизнесмен, продолжая пританцовывать.

– Остановитесь немедленно! Немедленно прекратите этот балаган! – закричал опомнившийся психиатр. – Что вы себе позволяете?! Кто здесь психотерапевт, доктор, в конце-то концов, вы или я?! А я, между прочим, ещё и главврач!

– Спокойствие, док, только спокойствие! – Пухляш с выпученными глазами и безумным лицом подскочил к опешившему доктору и сел к нему на колени. Качая перед глазами Альберта Исааковича мастерским маятником из платины и золота, он монотонно начал приговаривать: – Спокойствие, только спокойствие, док. Ты главный, дружище, спору нет-таки... Но... Отныне никакие проблемы тебя больше не волнуют. Ты-таки вне времени, вне пространства. Все неурядицы проходят мимо. Мимо тебя. Ты свободен, абсолютно свободен и беззаботен. Тебе чужда суета больших городов и ты стремишься... В дивные дали... Где сможешь наконец-таки обрести себя и познать суть своего божественного предназначения...

– Свободен, абсолютно свободен... – заворожённо повторял психотерапевт. – Мне чужды заботы и суета... Я никому ничего не должен. Пора... Пора...

– Пора!.. – шёпотом «прокричал» бизнесмен и спрыгнул с коленей доктора. Отбивая чечётку о дубовый паркет, он побежал в центр кабинета, где продолжил неистово выделять замысловатые па. Альберт Исаакович долго смотрел на импровизированное представление своего некогда подопечного, но никак не реагировал и лишь изредка качал головой в такт цоканью каблучков. Святослав Рувимович ускорил темп и всё чаще и быстрее, уже совсем громко и яростно стучал набойками, сохраняя изначальный ритмический рисунок. Психотерапевт постепенно пробуждался, приходил в себя, и вскоре на его лице засияла кристальная улыбка, которая, правда, немного погодя сменилась безумной гримасой. Спустя мгновение Альберт Исаакович вскочил с кожаного кресла и, словно крупная породистая кошка, в несколько прыжков достиг бывшего пациента, сбросил с ног больничные тапочки и принялся отбивать чечётку вместе с ним.

– Тру-ля-ля! Тру-ля-ля! – кричали они и как джигиты гарцевали на невидимых лошадях по кабинету.

– Это восхитительно! Великолепно! Потрясающе! – с неподдельным восторгом воскликнул психотерапевт. – Почему я раньше не следовал своим же методам, почему не использовал то, чему всегда учил своих пациентов?!

– Так вот и я тя спрашиваю, док: в чём дело, ёкарный, почему ты-таки забил на себя любимого, почему?! – вопил во всю глотку неугомонный толстячок. – Тру-ля-ля, тру-ля-ля!

Через полчаса буйства и безудержного веселья оба сидели на диване напротив рабочего стола Альберта Исааковича, время от времени закатываясь истерическим хохотом и порываясь хоть как-то начать разговор.

– Ну так чё, ха-ха, док?! – никак не мог удержаться от смеха Святослав Рувимович. – Ты чё-нибудь решил-таки? Ха-ха-ха-ха!

– Да, ха-ха, решил-таки, решил! – вторил ему психотерапевт. – Решил, что нужно валить в дивные, дивные дали и жить как человек мира – планеты Земля, как сын Божий!

– Замечательно! Превосходно, док! – завопил бизнесмен как умалишённый. – Давно пора, ёшки-мошки, забить-таки на всю эту хрень!

– Пойдите-ка... Пойдите, однако... – резко переменялся в тоне Альберт Исаакович. – А как же клиника, как же пациенты?.. Кто же их будет вести, назначать терапию, следить за показателями?.. И прочее, и прочее...

Пухляш, не мешкая, вновь запрыгнул на колени к доктору и принялся раскачивать маятником у него перед глазами:

– Ни о чём не беспокойся, док... Не парься, в натуре. Говорю-таки тебе, я точно знаю, дружище, как решить этот ребус, эту головоломку, етить, какой она, по сути, и не является-таки... Это всего лишь паттерн, заученное стереотипное мышление, которое нужно скорректировать. Всё под контролем, всё под контролем... Под моим контролем... Под моим бдительным оком, док...

– Это всего лишь неправильная поведенческая реакция, всего лишь заученный паттерн... – Альберт Исаакович вошёл в транс, и речь его становилась всё более невнятной. – Всё под контролем... под вашим бдительным оком... Святослав Рувимович... Сэм...

– Сейчас, док, когда я щёлкну пальцами, ты очнёшься-таки здоровым, абсолютно свободным от недугов и тревоги человеком, – мерным, усыпляющим тоном приговаривал толстячок, – и почувствуешь непреодолимую тягу к приключениям и к исследованию своего глубинного «я», которое находится...

– В дивных далях...

– Да, ёкарный!.. – воскликнул Святослав Рувимович и щёлкнул пальцами.

Альберт Исаакович мгновенно пришёл в себя. Он резко встал с дивана и, одёрнув больничный халат, ловко обулся в белоснежные замшевые сабо и бодрым, уверенным шагом двинулся к рабочему месту.

– Так... – задумчиво сказал доктор, усевшись в широкое кресло. – Что тут у нас имеется?.. – Он принялся скрупулёзно перебирать стопку документов, лежавших на краю стола. – Отчёты... Отчёты... Журналы, рецепты, выписки, справки...

– Чё ты там рыскаешь, как ментовская ищейка, док? Ха-ха! – ехидно ухмыльнулся пухляш.

– Ага! Нашёл! – в безумстве закричал доктор. – Нашёл-таки этот чёртов бланк! Идите сюда, Святослав Рувимович, Сэм, дорогой мой друг! Идите скорее!

Святослав Рувимович подошёл к доктору и склонился над столом.

– Я уже давным-давно напечатал это заявление, – интригующим голосом озвучил свои мысли Альберт Исаакович, – и отложил его до лучших времён; но, как видите, дорогой Святослав Рувимович, Сэм, это время настало только сейчас! Давайте каждый распишется, и дело с концами!

– За-я-вле-ни-е... – толстячок весьма медленно (по слогам) прочитал название документа, после чего неуверенным и тихим голосом продолжил: – Я, император всея Вселенной, главнокомандующий всеми галактиками, хранитель созвездий и Млечного Пути и по совместительству лекарь от Бога, врачеватель душ человеческих, слагаю с себя полномочия главврача сей волшебной лечебницы-целебницы и назначаю на моё место преемника... – вчитывался в документ бизнесмен. – Интересно, однако, док! Очень интересно, но ни фига-таки не понятно!..

– Да, вы правы, друг мой, Сэм, и весьма занимательно! Давайте же поставим подписи и разойдёмся каждый по своим делам: я поеду в бессрочный отпуск в дивные дали, а вы, друг мой, возглавите клинику на время моего отсутствия!

– Так ведь я же... Эт самое... – занервничал до этого самоуверенный Святослав Рувимович. – У меня же нет медицинского образования... Как же я, в натуре...

– Умоляю вас, любезнейший! К чему сомнения? Уж поверьте, вам не нужно иметь никакого профильного образования, чтобы возглавлять частную клинику по врачеванию душевному! – возразил перевозбуждённый Альберт Исаакович и наотмашь подписал документ, начеркав на полстраницы неведомую загогулину. – Всё это прошлый век! Сейчас важно иметь не диплом, а знания, которые приходят только с опытом и ни с чем иным! Вам ли не знать, милый друг? Как у нас, психотерапевтов, говорится: кто первым халат надел, тот и доктор.

– Вот и славно, док! Вот и славно! Ништяк! Ха-ха-ха! – изменился в голосе пухляш и злорадно засмеялся: – Пацаны! Бегом-таки сюда!

В кабинет мгновенно забежали два здоровяка и скрутили ошарашенного врача.

– Что всё это значит?! Санитары?! Откуда?! – кричал испуганный Альберт Исаакович, обращаясь к Святославу Рувимовичу и верзилам в белых халатах. – Что происходит, чёрт побери?! Позвольте узнать, куда вы меня ведёте?! А вы что здесь делаете, Осип, Ёзя? Вы же должны быть в стационаре! Что происходит?! А как же дивные дали?!!

– Вколите ему успокоительное, да побольше, парни, пускай док проспится, – невозмутимоскомандовал толстячок и, опершись на трость, три раза повернулся вокруг своей оси. – И по возможности выделите ему отдельную палату и обеспечьте достойный уход. Как-никак он единственный, кто в этой чёртовой клинике относился ко мне как к человеку...